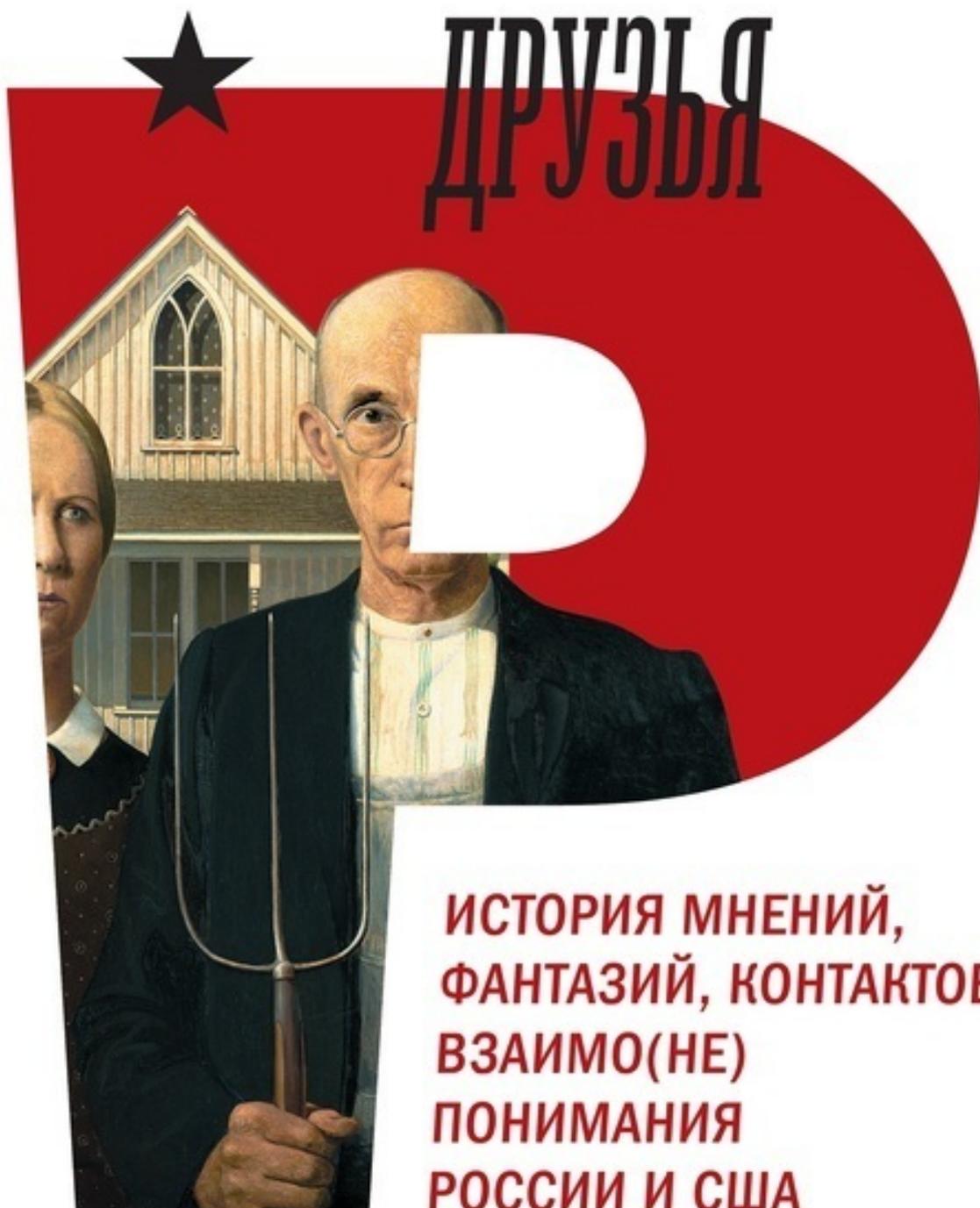

ИВАН КУРИЛЛА

ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ

ИСТОРИЯ МНЕНИЙ,
ФАНТАЗИЙ, КОНТАКТОВ,
ВЗАИМО(НЕ)
ПОНИМАНИЯ
РОССИИ И США

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Что такое Россия

Иван Курилла

**Заклятые друзья. История
мнений, фантазий, контактов,
взаимо(не)понимания
России и США**

«НЛО»

2018

Курилла И.

Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США / И. Курилла — «НЛО», 2018 — (Что такое Россия)

Пишущие об истории российско-американских отношений, как правило, сосредоточены на дипломатии, а основное внимание уделяют холодной войне. Книга историка Ивана Куриллы наглядно демонстрирует тот факт, что русские и американцы плохо представляют себе, насколько сильно переплелись пути двух стран, насколько близки Россия и Америка – даже в том, что их разделяет. Множество судеб – людей и идей – сформировали наши страны. Частные истории о любви переплетаются у автора с транснациональными экономическими, культурными и технологическими проектами, которые сформировали не только активные двухсотлетние отношения России и США, но и всю картину мировой истории. Иван Курилла – доктор исторических наук, профессор факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Автор множества научных публикаций, в том числе пяти монографий, по вопросам политической истории России, истории США и исторической политики.

© Курилла И., 2018

© НЛО, 2018

Содержание

Предисловие	6
Часть 1.	8
Пролог. Джон Смит	8
Глава 1. Себя показать	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Иван Курилла
Заклятые друзья. История
мнений, фантазий, контактов,
взаимо(не)понимания России и США

© И. Курилла, 2018,

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

* * *

Тане и Ване, с благодарностью

Предисловие

Замысел этой работы состоит в том, чтобы рассказать, как переплетены исторические судьбы России и Америки. Книга выросла из моих научных интересов, но не является монографией, ее содержание – не только результат моих научных изысканий, но и пересказ историй, найденных коллегами, российскими и американскими. Я заканчиваю рукопись этой книги в период обострения российско-американских отношений и отчетливо вижу, что это не первый и, наверное, не последний такой период. Надеюсь, книга поможет читателю немного лучше понять, что лежит за этим маятником принятия и отторжения Америки в России и России в США.

Изучение взаимоотношений России и США убедило меня в том, что в основе различия двух стран лежат отношения государства и общества: если в США общество самостоятельно решает возникающие перед ним проблемы, то в России, как правило, решение находит государство. Оба варианта являются крайними проявлениями отношений, выработанных Европой. Но если США на протяжении значительной части своей истории от Европы «отталкивались», то Россия, напротив, в Европу стремилась. В обоих случаях такая «крайняя» позиция была вполне выгодна: американцы, отталкиваясь от Европы, использовали для усиления сравнения Россию (и отталкивались уже от ее образа), а русские, желающие Европу догнать, раз за разом пытались «обойти» старый континент «на повороте», беря за образец собственной модернизации ушедшие вперед Соединенные Штаты.

Две страны связаны между собой судьбами людей и идей. На американскую историю огромное количество выходцев из России оказало безусловное влияние, без них, не преувеличивая, эта страна выглядела бы совсем по-другому. В свою очередь, российская экономика несколько раз так активно заимствовала модели и технические решения у США, что ее промышленность до сих пор несет на себе следы последовательных волн «американизации».

Связь российско-американских отношений и модернизации, однако, не сводится к простому влиянию американского опыта на развитие российской промышленности. Европа, Америка и Россия постоянно сравнивали себя друг с другом, чтобы формулировать и продвигать собственную версию «современности», оттачивая взаимную критику соперничающих между собой представлений о модерне. В эпохи крутых поворотов – гражданские и мировые войны, революции и реконструкции – именно творческий опыт становился объектом изучения и заимствования, а кровавые события порождали эмиграцию, становившуюся, в свою очередь, важным фактором модернизации новой Родины.

Образ другой страны никогда не бывает застывшим. Он постоянно приобретает новые качества, меняется иногда медленно, а иногда – в периоды общественных потрясений – стремительно. Однако старые представления, вытесненные злобой дня, не пропадают бесследно. Они уходят на второй план, прячутся на время, однако не исчезают совсем и могут быть легко актуализированы потоком новостей или новым поворотом истории. Используя геологическую метафору, можно сказать, что представления о другой стране, бывшие когда-то остроактуальными, «оседают», превращаются в ложе реки, по которой течет новая информация. Эти «донные отложения», сформированные вчерашней и позавчерашней повесткой дня, время от времени «взбаламучивает» вдруг образовавшийся водоворот. Потом, когда шторм утихнет, они могут улечься по-другому, оставив острова и мели там, где еще вчера их не было.

Исходным пунктом этой работы стало осознание того факта, что мы – русские и американцы – плохо представляем себе, насколько сильно переплелись наши пути, насколько близки Россия и Америка даже в том, что нас разделяет. Мне хотелось рассказать читателю

о множестве судеб – людей и идей, которые сотворили наши страны и повлияли на то, кем мы сегодня являемся.

То, что обычно остается в примечаниях, станет основным содержанием книги. Большая часть того, что здесь рассказывается, была впервые найдена и описана не мной, эти истории рассыпаны по десяткам научных монографий и малотиражных сборников научных статей на русском и английском языках, в редких случаях – по журнальным публикациям дотошных журналистов. Работа автора состояла лишь в том, чтобы свести воедино множество историй, демонстрирующих переплетение российской и американской истории. При выборе между широко известным сюжетом и тем, о котором наверняка знают лишь специалисты, предпочтение отдавалось менее известному. Авторы, работы которых послужили источниками сведений, вошедших в книгу, указаны, как правило, в начале каждого сюжета и в библиографии.

Читателю, вероятно, любопытно будет узнать, что очень многие технические и культурные достижения можно по праву называть «российско-американскими»: эмигранты и инженеры, артисты и коммивояжеры, успевшие пожить в обеих странах, внесли немалый вклад в развитие и Америки, и России.

Отдельная глава этой книги посвящена историям любви, часто драматическим, иногда трагическим, которые тем не менее связывали американцев и русских на протяжении всех отношений. Наконец, некоторые сюжеты холодной войны выглядят зеркально симметричными, так же как история рабства и крепостного права за столетие до этого.

Пишущие об истории российско-американских отношений, как правило, сосредотачиваются на дипломатии и фокусируют внимание на холодной войне. Эти важные темы, однако, не исчерпывают богатства двусторонних связей. Более того, я считаю, что невозможно понять, как менялись отношения, не обратившись к другому уровню, а с точки зрения науки – к другой методологии.

Взаимодействие России и США интереснее всего исследовать с помощью конструктивистского подхода; ведь две страны долго привлекали внимание друг друга, каждая играла для партнера роль «значимого Другого», то есть такого общества, сравнение с которым помогало понять себя.

В исследованиях дипломатии обычно теряется масса личных контактов. По умолчанию считается, что их ролью можно пренебречь, ведь силовые и экономические линии, протянувшиеся между странами, неизмеримо важнее. Во многих случаях международных отношений так и есть. Однако не в случае России и США: за минувшие полтора века из Российской империи, СССР и России в Америку переселились несколько миллионов активных людей; Россия, в свою очередь, несколько раз за это время активно привлекала в страну американских инженеров и опыт США. В результате личные истории, выпадающие из традиционных монографий, должны стать объектом особого внимания.

Один из первых авторов, развивавших этот подход к исследованию истории международных отношений, Цветан Тодоров предложил выделять три «оси» в отношениях любых двух народов. Продвижение по каждой из этих «осей» не зависит от и не влияет на две остальные (как и в стереометрии, эти три «оси» определяют объемное «пространство» взаимоотношений). По первой из этих «осей» можно отложить уровень знаний о другой стране, по второй – оценку этой страны и ее обычаев, а по третьей – готовность к действию: от изменения себя по модели «другого» до изменения «другого» по собственному образцу.

Моя книга выстроена примерно вдоль этих «осей».

В первой части мы поговорим о знаниях друг о друге в XVIII–XX веках.

Во второй – о взаимных образах, являвшихся неотъемлемой частью оценки друг друга.

В третьей – о попытках изменить себя и другую страну.

Часть 1. Познавая друг друга

Пролог. Джон Смит

В самом начале американской истории – вернее, истории англо-американцев – жил капитан Джон Смит, один из руководителей первой успешной английской колонии в Северной Америке – Джеймстауна. Благодаря Смицу колония смогла пережить наиболее тяжелые первые годы, с 1607-го по 1609#й. Через четыреста лет студия Дисней сняла красивый мультфильм про индейскую девушку Покахонтас и человека, наладившего отношения с индейцами. Впрочем, на деле ничего радостного в той истории, конечно, не было. Вернувшись в Англию, Смит через несколько лет снова отправился к берегам Америки, на этот раз пройдя мимо берегов того региона, что станут Новой Англией.

В биографии Джона Смита есть русские страницы. Родился он в 1580 году, с 18 лет путешествовал по Европе, воевал – в Нидерландах и Средиземном море. В 1602 году в Трансильвании Смит попал в плен к османам и был продан в рабство в Крым, где убил своего турка-хозяина и сбежал. Путь из Крыма лежал в Московию: Смит после шестнадцати дней блужданий по степям вышел на астраханский шлях и дошел до города Ecorolis на Дону.

Что за город Смит назвал таким именем, не очень понятно, исследователи склоняются к версии, что это был город Царев-Борисов, но в любом случае он побывал на одной из южных оборонительных линий Московского государства. Русский воевода принял его радушно, избавил от рабского ошейника и снабдил сопроводительными письмами. В 1604 году Смит вернулся в Европу, а вскоре оказался в Англии как раз в разгар подготовки Виргинской компанией отправки первой группы поселенцев в Новый Свет. Капитан Джон Смит, с его удивительным опытом, стал ценным приобретением для компании, и его включили в список руководителей переселенцев. Некоторые авторы даже предполагают, что именно на русской засечной черте Смит изучил конструкции деревянных укреплений, что помогло ему в строительстве фортов в Америке.

Даже если это не так, то, обладая некоторым воображением, можно представить себе первую зиму поселенцев в Джеймстауне, ту, после которой в живых осталось только шестьдесят человек, и руководителя экспедиции, утешавшего сограждан рассказами о далеких Татарии и Московии...

И вот уже пятый век за океаном виртуально присутствует Московия, Россия, Советский Союз, занимая в американских политических разговорах куда большее место, чем эта далекая страна когда-либо занимала в американской экономике.

Глава 1. Себя показать

Начнем с историй, которые можно охарактеризовать словами «себя показать...». Каждая из стран специально или мимоходом старалась рассказать о себе, повлиять на общественное мнение другой стороны и показать себя в лучшем свете. Для этого за океан отправляли пропагандистов и гастролеров, участвовали в выставках и карнавалах.

ПАВЕЛ СВИНЬИН И АЛЕКСЕЙ ЕВСТАФЬЕВ, ДИПЛОМАТЫ-ПРОПАГАНДИСТЫ

Павел Петрович Свиньин (1787–1839) – литератор, художник, дипломат. Основатель «Отечественных записок», автор панегирика Аракчееву «Поездка в Грузино» и вероятный прототип гоголевского Хлестакова. Свиньин создал один из первых художественных музеев и гордился, в частности, тем, что «подарил Отечеству Власова, Гребенщикова, Слепушкина, Тропинина, Черепанова, Полякова». Нас, однако, интересуют лишь небольшая часть его жизни: в 1811–1813 годах Свиньин был сотрудником первой российской дипломатической миссии в США в должности секретаря генерального консула в Филадельфии Н. Я. Козлова. В России понимали важность общественного мнения в республике и поощряли выступления молодых дипломатов в местной печати. Поэтому в Америку были отправлены люди, обладавшие талантами литераторов и публицистов.

Особенно активно российская «контрпропаганда» заработала в США во время войны с Наполеоном. Генконсул Н. Я. Козлов сообщал начальству в 1812 году о «нелепых баснях, печатаемых здесь французами», и о своем «поощрении» Свиньина «писать на оные опровержения». «Средство сие много способствовало вывести из заблуждения здешнюю публику, с жадностью газеты читающую», – добавлял он. Свиньин же, помимо газетных заметок, опубликовал брошюру о России с целью опровергнуть поверхностное представление о своей стране.

Он оказался не только в числе первых русских, наблюдавших за жизнью американцев, но и одним из первых иностранцев, оставивших описание Соединенных Штатов начала XIX века. Что особенно важно – Свиньин был художником. Сохранились десятки его зарисовок, акварелей и гравюр с пейзажами, видами городов и сценами американской жизни. Глазами Свиньина мы можем увидеть Америку такой, какой она была двести лет назад. После окончания работы миссии он в США не возвращался, а некоторые свои рисунки издал в виде гравюр.

Давайте почитаем дневник Свиньина времен жизни в Соединенных Штатах (никакой политкорректности – как думал, так и писал; текст этот многое говорит не только об Америке, но и о России).

Вот Свиньин наблюдает пожар: «Здесь нет зрителей, как у нас в России, – всякий работает с усердием, как за свою собственность, хотя его никто не понуждает, хотя совсем почти нет полиции – и потому пожарам никогда не дают усиливаться».

Так он пишет об американских женщинах: «...многие обычаи здешней земли покажутся весьма странными для европейца. Например, замужние женщины не составляют более приятностей общества, и в собрании они оберегаются говорить с мужчиною – так что, если вы слишком займетесь ею, тотчас вам скажет – что есть и девушки в комнате. Женщина, когда выйдет замуж, отказывается от света и занимается единственно хозяйством. Оттого здешние девушки не торопятся выходить замуж и пользуются той свободой, каковой у нас, в Европе, замужние. Например, часто случается, что дочь имеет свои знакомства. Приходят к ней молодые мужчины, коих отцы не знают, и которых она знакомит, когда ей взду-

мается. Они выходят, когда захотят, и никого не спросят». «Сохрани Бог говорить долго с женщиной, да и с девушкой если заговорился, то назавтра в газете женят. Один американец, впрочем, человек, довольно видевший свет, с сожалением объявил мне об одной девушке, что мы скоро ее потеряем. Это значит, что скоро она выйдет замуж. И он весьма удивился, когда я ему сказал, что в Европе женщины составляют истинную приятность общества, что девушки зовутся только попить чаю и потанцевать».

Вот русский дипломат бросает вскользь: «Жители Виргинии – совершенные русские помещики, даже отличаются и в образе жизни – более властительны и имеют рабов».

П. Свиньин. Моравские сестры.

Рисунок начала 1810-х гг. Метрополитен-музей, Нью-Йорк (The Metropolitan Museum of Art, New York)

Став свидетелем начала промышленного переворота и технологического развития США, Свиньин с проницательностью замечает: «Нет земли, где бы механические машины доведены были до большего совершенства. Малолюдство и потому дороговизна рук заставили прибегнуть к наукам, и здесь почти все делается машинами. Машина пилит камень, куёт гвозди, делает кирпичи». Особенно русский наблюдатель похвалил удобство недавно изобретенных Фултоном пароходов и даже нарисовал один из них.

А вот расовая сегрегация Свиньину не понравилась: «Из числа попутчиков наших был мулат, но ему не позволено было сесть с нами в карету, а поместили его с кучером, также и обедал он особенно, а не с белыми. Черные в большом здесь пренебрежении. А, вероятно, он заплатил такие же деньги, как и другие пассажиры. Привычка все поправляет, и они не чувствуют своего унижения, но бедный наш Глод (негр, служивший при русском дворе, вернувшийся в это время в США за семьей. – *Прим. авт.*), бывши в России в таком изобилии и почести, приехал сюда, и ни один белый не хотел с ним садиться вместе по обыкновению, не допускали его ни до какой компании белых, тогда-то он, бедный, почувствовал тяжесть своего положения, и если бы должен был остаться, был бы самый несчастливейший человек».

Наконец, в поле зрения Свиньина попала и система американского образования: «...не надобно искать здесь глубокомысленных профессоров и искусных артистов – но Вы удивитесь справедливому понятию о вещах последнего гражданина, что относится и ко всей Америке. Сын первого банкира идет в одну школу с сыном беднейшего поденщика. Каждый учит географию земли своей, первые правила арифметики и некоторые понятия о других науках; от того всякой здешний мужик не только не удивляется лунному затмению или комете, но рассуждает о них довольно правильно».

22 июня 1813 года Свиньин отбыл из Америки для сопровождения французского генерала Моро на службу в российскую армию и находился с ним при осаде Дрездена, где тот был смертельно ранен. Сам Свиньин станет впоследствии публикатором А. С. Пушкина, а также редактором журнала, на страницах которого часто будет обращаться к американским темам. Его зарисовки жизни в Америке в начале XIX века до сих пор используются в американских учебниках (так, он одним из первых нарисовал фултоновский пароход). Но в США он больше не вернулся.

Более долгую жизнь прожил в США Алексей Евстафьев, семинарист из донских казаков, ставший русским дипломатом, американским литератором и драматургом, успешным «контрпропагандистом» и консулом, прослужившим за океаном пятьдесят лет. Более того, наш герой был первым последовательным критиком американской демократии среди русских интеллектуалов. Однако, судя по всему, до российского историка В. Н. Пономарева, опубликовавшего в 1991 году статью об Евстафьеве, никто подробно не занимался его биографией.

Алексей Григорьевич Евстафьев родился в 1783 году в земле Войска Донского, а в 1798 году, после учебы в Харьковской духовной семинарии, был направлен в Лондон в качестве церковника (так называлась эта начальная должность церковной иерархии официально) православного прихода при русском посольстве. Евстафьев оказался весьма способным к языкам, за несколько лет освоил английский и уже в 1806 году сумел опубликовать собственный перевод трагедии А. П. Сумарокова «Дмитрий Самозванец», заслуживший положительные отзывы в британской прессе.

Начало собственно дипломатической карьеры Евстафьева связано с успешной защитой им российской позиции в критический момент международных отношений. Когда Тильзитский мир вызвал рост антирусских настроений в Англии, он по собственной инициативе издал брошюру, разъяснявшую позицию Российской империи. Публикацию заметили как в Англии, так и в России и вскоре молодого человека перевели с низшей духовной должности на начальную дипломатическую – он стал актуариусом. В 1808 году Евстафьева командировали за океан в составе первой «команды» русских дипломатов. В Соединенных Штатах Америки, с которыми только что были установлены официальные отношения, требовались люди, способные на хорошем английском донести до публики точку зрения Российской империи. В Петербурге понимали важность привлечения общественного мнения на русскую сторону в политических условиях демократической республики. Евстафьев хорошо справлялся с этим поручением на протяжении почти пятидесяти лет, выполняя обязанности консула и, позднее, генерального консула России в Бостоне и Нью-Йорке.

Представления американцев о России на тот момент были весьма обрывочными и основывались главным образом на материалах английской и французской прессы. Русские дипломаты быстро оценили влияние американской прессы на политику. «Средство сие много способствовало вывести из заблуждения здешнюю публику, с жадностью газеты читающую», – доносил в Петербург из Филадельфии русский консул Н. Я. Козлов в январе 1813 года. По этим же причинам в 1812 году в газетную полемику о русско-французской войне включился и А. Евстафьев, публикуя (зачастую анонимно) свои заметки в американской печати. Наибольшую известность получила брошюра «Ресурсы России в случае войны с

Францией», в которой автор доказывал способность России успешно сопротивляться французскому вторжению. Любопытна его формулировка проблемы образа России за рубежом, звучащая абсолютно современно: «И друзья, и враги несправедливы к ней (к России. – *Прим. авт.*). Первые, разочарованные и раздосадованные тем, что она не достигла тех высот, каких они бы желали, не отдают должное попытке и предадут ее незаслуженному позору только для того, чтобы оправдать свои собственные нереалистичные ожидания. Вторые, радость которых по поводу ее неудач сравнима лишь с их горем от ее успехов, ожесточили свои души, закрыв всякую возможность рассуждать в ее пользу». Когда война 1812 года закончилась изгнанием Наполеона, воодушевленный Евстафьев выпустил второе издание этой книги, дополненное кратким изложением событий войны. Британский журнал «Эдинбург ревью» напечатал резкую рецензию на этот труд, на что русский консул ответил памфлетом на тридцати шести страницах. В 1813 году Евстафьев также перевел и опубликовал на английском языке книгу полковника Чуйкевича о войне России с Наполеоном. Половину тома (65 страниц из 124) заняло рассуждение самого Евстафьева по поводу переписки американских политиков Харпера и Уолша, посвященной сравнительным достоинствам и недостаткам России и Франции. В этой работе русский дипломат красочно описал трудности защиты позиций своей страны в иностранном окружении. Особенно сложно объяснять политику России: «Любое ее действие, просто ввиду ее местонахождения, проходит через такое множество официальных рук, что при достижении дальних пределов оно полностью искажается. Сначала за него берутся немцы и меняют его форму; затем французы одевают его в собственные фантастические одежды; и, наконец, такие люди, как эдинбургские обозреватели, полностью изменяют его содержание и переворачивают смысл». Русский, пытающийся восстановить истину, «должен вычистить Авгиевы конюшни», а когда он это сделает, «десять против одного, что его беспристрастность подвергнется сомнению». Евстафьев возмущенно писал, что русскому «отказывают в привилегии знания его собственной страны в той же степени, что заезжим иностранцам и случайным чужакам!».

Известно, что в МИДе еще с 1806 года существовала «Особенная экспедиция», которая занималась пропагандистским обеспечением внешнеполитической деятельности русского правительства, для чего при российских дипломатических миссиях в Европе и США была создана сеть «литературных агентств». Среди дипломатов-литераторов, работавших в этом направлении, Евстафьев был одним из наиболее талантливых. В том же 1812 году консул опубликовал небольшую книгу о Петре I с дополнением в виде пятиактной трагедии «Царевич Алексей» (книга была переиздана в 1814 году). В 1814 году эта трагедия была поставлена в Бостоне, в дополнение к ней появилась и мелодрама в трех актах «Верная жена, или Казаки на пути в Париж».

Это был, вероятно, пик популярности Евстафьева в США, связанный, конечно, не только с его активностью, но и с новостями о русских победах над Наполеоном, радовавшими новоанглийских федералистов. Несколько лет спустя его деятельность, очевидно, создала ему врагов, и в 1816 году Евстафьев по ложному обвинению и после жалобы американского представителя в России Л. Гарриса был смещен с поста консула решением С. – Петербурга. После вмешательства других членов российской миссии в США, письма в его поддержку, подписанного бостонскими купцами, и собственноручной объяснительной Евстафьев был восстановлен в должности к концу 1817 года, но, по всей вероятности, эта история оставила свой след в его карьере. Опубликованная Евстафьевым в 1818 году эпическая поэма о Дмитрие Донском вызвала резко критический отзыв в ведущем журнале США «Норт американ ревью». Полемика в печати (судя по всему, анонимные защитники поэмы были ипостасями самого автора) продолжалась несколько месяцев.

В 1828 году Алексей Евстафьев получил назначение на пост генерального консула России в Нью-Йорке и оставался в этой должности до своей смерти в 1857 году. На новом месте Евстафьев реже выступал в печати, хотя и опубликовал в 1836 году книгу о гомеопатии.

Тем не менее старые навыки «контрпропагандиста» дали о себе знать в период обострения проблем в российско-американских отношениях, совпавшего с кризисом Венской системы международных отношений. Начало кризису положила «Весна народов» 1848–1849 годов, в ходе которой европейские революционеры впервые публично сформулировали «выбор» между двумя формами государственного устройства, стоявший перед Европой. Первую – демократическую республику – представляли Соединенные Штаты, вторую – модель абсолютной монархии – Российская империя. Отправка экспедиционного корпуса в Австрию в 1849 году в целях подавления венгерского восстания возбудила особую враждебность к России среди демократических сил Европы и сочувствовавших им американцев. Антироссийские чувства были подогреты туром, который совершил по США в 1851–1852 годах лидер разгромленных повстанцев Лайош Кошут. В этот период произошло заметное охлаждение американцев по отношению к России. В 1852 году начинающий политик и будущий конгрессмен Г. У. Дэвис опубликовал книгу, посвященную роли России и Соединенных Штатов в современном ему мире. Она называлась «Война Ормузда и Аримана в девятнадцатом веке». Понятно, что Россия в этой работе олицетворяла зло, а США – добро.

Именно в этот момент ветеран зарубежной пропаганды Алексей Евстафьев написал новую книгу. Русский консул завершил рукопись своей монографии о Соединенных Штатах Америки 15 мая 1852 года. Книга, написанная по-английски, никогда не была опубликована, причины этого нам неизвестны. Может быть, издатели отвергли критический по отношению к США текст, может, начальство Евстафьева предостерегло его против такого шага, а возможно, в нем самом дипломат взял верх над публицистом. Так или иначе, любопытнейшая рукопись под заголовком «Великая республика, проверяемая прикосновением истины» так и продолжает лежать в Нью-Йоркской публичной библиотеке.

В самом начале этой книги автор недвусмысленно связывает ее создание с революционными событиями в Европе: «Более половины этого труда было написано до венгерской войны, во время правления Ламартина во Франции, остальное дописывалось в разные моменты после прибытия Кошута в Соединенные Штаты, а закончено сегодня» (то есть 15 мая 1852 года).

В предисловии Евстафьев рисует карту политических режимов, как она виделась ему (и, очевидно, его современникам в США и особенно в Европе) в середине XIX века. Существуют три типа правительственной власти, пишет он, «деспотическая, ограниченная и народная, представленная соответственно Россией, Англией и заатлантической новой республикой Соединенных Штатов». Евстафьев не скрывает своего англофильства, считая Англию «бесспорно превосходящей обе» крайности. Именно эта конструкция требует, по мысли Евстафьева, сравнивать «одну из этих крайностей, народную Американскую республику», с ее «антиподом, русским деспотизмом». Автор далее представляет себя как человека, близко знакомого с обоими государствами, то есть находящегося в уникальной ситуации для подобного сравнения.

Евстафьев уверяет читателя, что в силу собственной биографии он не имеет предубеждения по отношению ни к одной из противоположностей и его единственным «сердечным желанием было воздать справедливость стране, о которой грубо и постоянно лгут». Главный вопрос современности, считает автор, такой: «Монархии ли объединятся против республик, или республики договорятся о том, чтобы разрушить все монархии». Кто из них «настоящий враг общественного порядка, мира и счастья и кто окажется триумфатором в итоге», будет ясно только в самом конце, но и сейчас «ничто не может заменить доказательство верой». Евстафьев настаивает, что оценивать и сравнивать абстрактные принципы бес-

полезно, а потому предлагает составить мнение о демократии по действиям ее представителей, то есть граждан Американской республики.

Ста лет не прошло, начинает свою книгу Евстафьев, как у демократии появились собственные владения в мире. Она добилась многого, но баланс добра и зла в том, что ею создано, остается предметом спора между сторонниками и противниками демократической республики. «Первые изображают ее как истинный свет», а вторые «проклинают ее, как... сирену со змеиным глазом... сеющую везде, где она может, драконьи зубы революции».

Евстафьев очень критичен в оценке отношения американцев с внешним миром. Так, он обращает внимание на то, что позднейшие исследователи назовут «американской исключительностью»: «Ни один другой народ так не любит порицать других, и ни один так не чувствителен к порицаниям сам». Американцы, по мнению русского дипломата, «нетерпимы к свободному мнению, противоречащему их собственному», «грубы, если их независимость недооценена; судят о людях и вещах по своим собственным стандартам и осуждают все, что, в их оценке, стоит ниже них». Особенно возмутило Евстафьева представление американцев о первичности политических принципов по отношению к моральным, интеллектуальным или эстетическим: «Ничто антиреспубликанское не имеет никакой ценности, ничего хорошего, в физическом или моральном смысле, не может взрасти на почве монархии; добродетель не добродетель, героизм не героизм, талант не талант, если он поднялся под дланью со скипетром».

Русский дипломат обвиняет американцев в моральном релятивизме: «У них всегда победа над мятежниками зовется жестоким деспотизмом, триумф разрушительных сил всегда – избавление от рабства. Они называют наказанных изменников жертвами, а изменников, отказавшихся от своих замыслов, трусами».

Далее Евстафьев определяет свое место в ряду тех, кто занимался анализом американской демократии. Он описывает себя как одинокого воина, выступившего «против бесчисленных воинств», чтобы сказать слово правды. «Демократии потакали уже достаточно долго в ее стремлении растрюбить о своих дивных подвигах; пришло время посмотреть на нее поближе, назвать ее настоящим именем и показать различие между реальностью и фикцией». Для такой задачи не годятся сами американцы, которые «не скажут всей правды там, где гордость и интерес заставят их молчать». Нечего ждать и от европейских исследователей американского общества, которых Евстафьев ехидно называет «покладистыми мудрецами токвилевской школы». По мнению русского публициста, «они пришли восхищаться, а не анализировать, плыть по сверкающей поверхности, а не нырять и исследовать дно». Познакомившиеся с Америкой во время коротких визитов, «они даже не подозревают, что с самого начала окружены искусственной атмосферой, закрывающей им глаза и показывающей фантомы и миражи. Они видят демократию только в ее выходном наряде, за праздничным столом, выставившую напоказ свое гостеприимство», они зачарованы ее «красноречивыми разговорами о правах и достоинстве человека, поскольку она может говорить, как ангелы». И лишь такой человек, как сам Евстафьев, «общавшийся с этой самой демократией на протяжении более сорока лет», знает ее «такой, какая она есть, а не такой, какой ее видят обожатели».

Евстафьев заявляет, что «объявляет войну», но «не американцам, которыми – индивидуально – я восхищаюсь, а этой змее – Американской республике». Основная же часть работы (с 14-й по 86-ю страницу рукописи) представляет собой детальные, с множеством примеров и ссылок доказательства каждого из тезисов следующего абзаца:

Великая республика полна иллюзий. Те ее дарования, которыми можно гордиться, есть и у других цивилизованных христианских стран. Ее конституция радикально ущербна. Ее конструкция не обладает настоящей силой. Ее основе не хватает прочности. Федеративная мощь, которой она

так гордится, на самом деле представляет ее неизбежную слабость. Ее существование противоречит законам природы. Общественные принципы, на которых она стоит, фальшивы. Она в целом представляет собой не что иное, как правдоподобный обман.... Она неизбежно падет.

Не забывает Евстафьев и о сравнении Америки с собственной родиной. Россия приводится им как одна из иллюстраций тезиса о том, что «те ее дарования, которыми можно гордиться, есть и у других цивилизованных христианских стран»: «Даже крайность современного деспотизма, самодержавие, ограниченное только лишь собственными просвещенными взглядами, на практике более благоприятна для положения человека, чем противоположная крайность демократического правления». Русский генеральный консул настаивает на возможности существования другой иерархии ценностей, непонятной американцам, но от того не менее реальной и способной принести людям радость: «В той самой ненавидимой, страшной и оклеветанной России, в которой я так часто бывал, лояльность, энтузиазм в посвящении собственности и жизни для поддержки и укрепления трона, считаются способом и мерой свободы и счастья».

Еще одной положительной чертой России в сравнении с Соединенными Штатами русский консул считает контроль над свободой печати: русский человек «свободен от насильственного вторжения ужасного разрушителя, неограниченной прессы». Надо еще узнать, вопрошает Евстафьев, где больше счастья и «где оно уступает место нищете, помимо извращенного республиканского воображения». Конечно, соглашается дипломат, «встречаются и злоупотребления, поскольку их не может предотвратить ни одно правительство»; но это исключение из правил, а «в связи с привычками и способностью приспособиться, присущей народу, оно не приводит к серьезным неудобствам». В результате «рабочий класс... хорошо спит, когда не занят, всегда поет за работой, ест и пьет то, что ему нравится и столько, сколько ему угодно, часто празднует с друзьями, не пропускает ни одного нищего в церкви, не дает ему милостыню, и никогда не ходит в лохмотьях», а главное, «чтит начальство и славит царя, своего отца и бога на земле!»

К моменту завершения рукописи в США стала спадать волна антирусских настроений и «объявлять войну» Американской республике, судя по всему, было уже не совсем уместно. Однако любопытно, насколько проницательный русский дипломат предвосхитил линию аргументации, которой будут придерживаться российские критики американского опыта в XX и даже начале XXI века. Русский дипломат был внимательным наблюдателем; в разгар первого кризиса Венской системы международных отношений Евстафьев одним из первых осознал, что Россия и США становятся для Европы двумя образцами развития, причем революционеры предпочитают американский вариант русской деспотии, и начал разработку идеологических основ для того, чтобы сдерживать развитие в этом направлении.

Алексей Григорьевич Евстафьев скончался 7 июля 1857 года по новому стилю в возрасте 74 лет, до конца своих дней оставаясь генеральным консулом Российской империи. Из двухсот с небольшим лет российско-американских отношений Евстафьев был активным их участником в течение пятидесяти – удивительный и вряд ли повторенный кем-либо пример.

Русский дипломат сумел стать американским литератором. Работавший в те же годы в России американский литератор и бизнесмен Уильям Льюис тоже внес свой вклад в американскую (и немного русскую) литературу.

УИЛЬЯМ ЛЬЮИС И ПЕРВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Одна из «национальных песен» американцев «Янки Дудл» основана на песенке, распространившейся еще в годы Английской революции (якобы под эту мелодию «кавалеры»

издевались над «круглоголовыми»). В годы Войны за независимость песня стала популярна в Америке, а текст был изменен и приобрел свой современный вид. Она была переведена на русский уже в 1815 году, причем переведена одним из первых американцев, выучивших русский язык. Автор перевода, уроженец Филадельфии Уильям Дэвид Льюис (1792–1881) прибыл в Россию в 1814 году с целью помочь своему старшему брату Джону Делаверу Льюису, который надеялся на расширение своей торговли в Санкт-Петербурге. Историю Льюиса рассказали в своих книгах российские ученые Н. Н. Болховитинов и А. Н. Николюкин.

Влиятельный государственный деятель Генри Клей, отправлявшийся в Гент на переговоры, которые должны были завершить англо-американскую войну 1812 года, согласился взять У. Д. Льюиса в качестве своего секретаря, и тот таким образом пересек Атлантику на борту военного корабля США «Джон Адамс». В этом путешествии он завязал приятельские отношения с еще одним членом делегации, Джонатаном Расселом, направлявшимся в качестве американского представителя в Швецию.

Летом 1814 года, однако, американских судов на Балтике все еще не было (война с Англией продолжалась), и в отсутствие других дел старший брат предложил Уильяму занять себя изучением русского языка. Сначала Льюис делал это под руководством немецкого профессора в С. – Петербурге, но уже к августу решил, что космополитичная столица – не лучшее место для погружения в русский язык, и отправился в Москву, где продолжил обучение под руководством другого немца, профессора Филиппа Штраля, автора немецкой грамматики для русских и – в последующем – книги по истории русской церкви. Так получилось, что первым иностранным языком, выученным Уильямом в России, стал немецкий.

Неизвестный художник. Роберт Стил из Дэдхема (барабан) и Парк из Кембриджа (труба) играют «Янки Дудл» на укреплениях Бридж-Хилл утром 17 июня 1775 г. Нью-Йоркская публичная библиотека (The New York Public Library)

В России Льюис познакомился с Н. И. Гречем, издававшим в то время журнал «Сын Отечества», и вошел в круг Г. Р. Державина. Льюис тоже пробовал себя в стихосложении и переводах, стараясь передать на английском не только содержание, но и звучание русского стиха, ведь русский язык, по мнению американского литератора, «по своей природе является в высшей степени поэтическим». Известна его работа над сентиментальным стихотворением И. И. Дмитриева «Сизый голубочек», написанным в 1792 году, которое Льюис переписывал латиницей, а потом переводил, сохраняя размер и тональность.

Постепенно Льюис добился-таки свободного владения русским. Нельзя точно оценить степень этой свободы, но она дала Уильяму Льюису смелость перевести с родного языка на

русский «Янки Дудл» и послать перевод в Швецию Дж. Расселу вместе с записью русского произношения латинскими буквами.

В июле 1817 года Льюис подрался с соотечественником. Это произошло во время рабочей встречи с американским консульским агентом в С. – Петербурге Леветтом Гаррисом, который налагал разнообразные консульские сборы (частью несправедливые, по мнению купцов) на корабли и товары, прибывавшие из США, и был явно несдержан на язык. Льюис ударил Гарриса по носу в расчете на вызов на дуэль, однако Гаррис вместо вызова написал жалобу в полицию и лично К. В. Нессельроде. Русские власти отказались вмешиваться, объявив, что это частное дело двух американцев.

Гаррис в то время надеялся занять пост посланника США в России, а Льюис, в свою очередь, мечтал о месте консула. После стычки Льюис написал жалобу на Гарриса в Вашингтон, обвинив его в коррупции на посту консула. Эти обвинения стали известны публике, когда родственники Льюиса размножили эту жалобу в виде памфлета в родной для обоих Филадельфии. Гаррис подал на Льюиса в суд по обвинению в клевете.

В итоге оба американца покинули Россию, чтобы продолжить выяснение отношений в американском суде. Тяжба продолжалась семь лет и закончилась штрафом в 100 долларов, что сам оштрафованный Льюис оценил как победу. В результате этой истории США лишились в С. – Петербурге двух своих представителей, лучше всего знавших Россию.

Гаррис больше не занимался Россией, а Льюис сделал карьеру в бизнесе, став банкиром и коллектором порта Нью-Йорк. Он, однако, не забывал и о русском языке. На протяжении всей жизни он баловал читателей филадельфийских газет своими переводами стихов экзотических русских поэтов, а в 1849 году издал эти переводы отдельным сборником: *The Bakhchessian Fountain, by Alexander Pooshkeen, and Other Poems, by Various Authors, Translated from the Original Russian By William D. Lewis (Philadelphia, 1849).*

Сборник он посвятил «своим русским друзьям». Это были первые переводы Пушкина, Державина, Дмитриева и других русских поэтов на английский язык. Русский друг Льюиса Н. Греч откликнулся на издание рецензией, в которой сообщил, что ему «приятно думать, что за Атлантическим океаном, на берегах озера Эри или реки Миссисипи, читают, понимают и оценивают по достоинству произведения русских писателей. Еще приятнее знать, что там бьется благородное сердце, любящее нашу добрую Россию и воздающее ей добром за добро».

ВИЗИТ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ АЛЕКСЕЯ В США

Чтобы привлечь внимание жителей другой страны, необязательно учить ее язык и писать на этом языке книги. Достаточно быть членом императорской семьи и путешествовать по Америке.

Четвертый сын императора Александра II попал в Соединенные Штаты по личным причинам. У девятнадцатилетнего великого князя Алексея случился роман с фрейлиной Александрой Жуковской, дочерью знаменитого поэта, которой шел тогда двадцать восьмой год. Алексей Александрович, по общепринятому мнению, тайно женился на Жуковской (нет точных сведений, когда и где: по одним сведениям – в Италии, по другим – в русской православной церкви в Женеве), но брак не был одобрен императором и был расторгнут Синодом, так как Александра не была ему ровней. По другим сведениям, отношения между Александрой Васильевной и великим князем ограничились внебрачной связью (хотя в письмах он называл ее женой). Когда в семье узнали, что Александра беременна, император отправил сына на два года в кругосветное плавание, а Жуковскую выслали за границу. 26 ноября 1871 года Александра родила в Зальцбурге сына великого князя, названного в честь отца Алексеем.

Алексей Александрович принял участие в военно-морской экспедиции под командованием адмирала Посыета в должности старшего вахтенного офицера на фрегате «Светлана» (изошренное решение, если вспомнить, что само это имя придумал отец возлюбленной Алексея Василий Жуковский). Экспедиция стартовала 20 августа 1871 года.

Самой значительной частью путешествия была поездка по Соединенным Штатам Америки, подробности которой недавно собрала американская писательница Ли Эрроу. В декабре 1871 года Алексей высадился в Нью-Йорке, откуда направился в Бостон, а затем в Вашингтон. В американской столице его встретила холодная встреча с президентом Улисом Грантом (причиной были некоторые дипломатические разногласия), но восторженный прием рядовых американцев. В честь первого настоящего русского принца, посетившего США, устраивались балы и гала-представления, обеды и ужины. Император Александр не преминул уколоть американского посланника во время очередной аудиенции, попросив передать свою признательность за теплую встречу его сына на американской земле; посланник пообещал передать его благодарность президенту. «Нет, не президенту, а народу Соединенных Штатов», – поправил его Александр.

Алексей умел нравиться. «Он отличался атлетическим телосложением и сочетал силу с бесконечным обаянием, что было особым даром некоторых Романовых предыдущих поколений», – писал о нем русский мемуарист. В ответ американцы, которых впервые посетил настоящий русский принц, изошрялись в гостеприимстве, сочиняли оды и шуточные стихи в его честь:

*Most noble Prince Alexis!
Our people of both sexes,
From Michigan to Texas,
Extend a welcome hand;
Your stay began to vex us,
To worry and perplex us,
And we pray the winds, Alexis,
To guide you safe to land.*

Из столицы Алексей направился на Дальний Запад. Он оказался в Чикаго вскоре после ужасного пожара 1871 года. В конце января 1872 года Алексей уже был в Небраске, где для него организовали настоящую охоту на бизонов. В «царской» охоте участвовали сам знаменитый охотник Буффало Билл (Уильям Коди), победитель индейцев генерал Джордж Кастер и герой Гражданской войны генерал Филип Шеридан, а также несколько вождей племени лакота (сиу) (в тот момент находившихся в мире с американцами), включая Крапчатого Хвоста. Алексей собственноручно (из пистолета, как писали газеты) убил бизона, а возможно и нескольких.

Через несколько лет, в 1876 году, генерал Кастер погибнет в битве при Литтл-Бигхорн против индейцев сиу. Но за пять лет до этого они мирно охотились вместе с сыном царя-освободителя. Буффало Билл позднее, в том же 1872 году, организует шоу «Дикий Запад Буффало Билла», давшее начало коммерческому использованию образа ковбойского фронта.

А российского царевича в 1872 году повезли дальше по Америке. Он посетил Мамонтову пещеру в Кентукки и выступил перед легислатурой штата Канзас в Топеке, в Мемфисе Алексей встретился и пообщался с бывшим президентом конфедерации Джефферсоном Дэвисом. После этого на пароходе Алексей спустился вниз по течению Миссисипи до Нового Орлеана, где попал на карнавал и был избран там «королем Марди Гра». Именно с участия Алексея берет начало традиция избирать «короля карнавала» (Rex of Mardi Gras).

Наконец, через три месяца после прибытия в США Алексей добрался до Пенсаколы, где его дожидалась русская эскадра, и продолжил плавание.

После отплытия Алексея с русской эскадрой воспоминания о его поездке еще долго были частью семейных и местных историй. Множество людей, собиравшихся в своих маленьких городках посмотреть на великого князя, покупали его фотографии, а потом рассказывали об этом визите своим детям и внукам. Люди, причастные к организации поездки, писали о ней мемуары, и факт такого участия попадал в их некрологи спустя десятилетия. Кроме того, Алексей раздавал подарки и денежные пожертвования с царской щедростью. Современные исследователи оценили стоимость подарков, оставленных Алексеем, в 750 тысяч современных долларов.

Вождь Крапчатый Хвост получил в подарок сумку с серебряными долларами, а Национальный музей естественной истории в Вашингтоне до сих пор хранит скелет одного из убитых великим князем буффало. Маленький городок в Иллинойсе, носивший имя Александр, был переименован в Алексис после визита великого князя. В Нью-Йорке Алексей посетил театр, который тут же переименовали в «Оперу великого князя» (Grand Duke Opera House). Во многих городках по пути следования великого князя сочинялись не только стихи, но и специальная музыка к его приезду. Так, появилось два разных «Марша принца Алексея», один в Филадельфии, другой в Нью-Йорке. В Бруклине сочинили «Галоп великого князя Алексея», а в Нью-Йорке «Галоп принца Алексея». Филадельфия представила и «Вальс принца Алексея» (мелодии с подобными названиями продолжали писать еще некоторое время и после его отъезда). Гостиницы, в которых останавливался Алексей, долго использовали это событие как главный козырь в своей рекламе. Когда эти дома (и пароходы) спустя десятилетия пускались под снос или сдавались в утиль, газеты неизменно упоминали, что «в этом доме спал (танцевал, смотрел представление) великий князь Алексей».

Александра Жуковская вышла замуж в 1875 году за саксонского полковника, барона Кристиана Генриха фон Вермана, российского подданного, ее сын от Алексея получил фамилию Белевский-Жуковский. Алексей так и не женился, хотя романов заводил множество.

В июле 1881 года во время «чистки», устроенной Александром III кадрам своего отца, Алексей занял пост главного начальника флота и Морского ведомства. В этом качестве он больше всего запомнился неудачным командованием флотом во время русско-японской войны. Именно он был одним из организаторов похода эскадры адмирала Рожественского вокруг Африки и Азии, закончившегося Цусимой. После этого Алексей подал в отставку, уехал в Париж, где и скончался в 1908 году.

THE RUSSIAN BEAR AND THE AMERICAN DEARS.

Неизвестный художник. Русский медведь и американские душечки. Карикатура из Harper's Weekly, 23 декабря 1871, с. 1216. Библиотека Конгресса США (The Library of Congress, USA)

СССР НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ В НЬЮ-ЙОРКЕ

Во второй половине XIX века в мире стали популярны выставки как формы знакомства стран и народов друг с другом. Российско-американские отношения помнят несколько ярких сюжетов на эту тему. Одним из первых событий такого рода стало участие России в выставке 1876 года в Филадельфии. Успешный филадельфийский инженер-предприниматель Александр Бари повстречал на ней группу молодых русских инженеров, в том числе Владимира Шухова, и через несколько лет принял решение перебраться в Россию, где основал большую инженерно-строительную компанию, в которой Шухов стал техническим директором. Фирма производила котлы и нефтеналивные цистерны, первые речные танкеры, а также знаменитые «гиперболоидные башни» Шухова.

Следующая, «Колумбийская» выставка в Чикаго, посвященная четырехсотлетию открытия Америки в 1894 году, дала возможность отправиться за океан многим русским писателям, инженерам, журналистам и даже художникам.

В XX веке выставочное движение продолжало развиваться, и вскоре после официального признания Советского Союза Соединенными Штатами уже СССР принял участие во Всемирной выставке в Нью-Йорке 1939 года.

Эта выставка была приурочена к 150-й годовщине вступления Вашингтона на пост президента, и ее основными темами были «демократия» и «будущее». Сохранились советские документы, внимательно изученные английским ученым Тони Свифтом, которые дают понять, как в Москве готовились освещать эти темы. На этапе планирования интерьера советского павильона было решено «отразить в монументальных художественных формах все величие и силу социалистического государства, показать социэкономическую и политическую структуру Советской страны, выраженную в сталинской Конституции, и продемонстрировать, что будущее принадлежит советской системе».

Для достижения этих целей советская экспозиция должна была быть простой и ясной, делающей акцент на модернизации, технологиях, социальных программах, победе над природой и на демократическом характере Сталинской конституции.

Организаторы сосредоточились на нескольких крупных объектах и больших пространствах, которые должны были создать у пришедших веселое настроение, вызвать радость и оптимизм, присущие советскому человеку. В павильоне собирались выставить образцы промышленной продукции и показывать советские фильмы; само здание планировалось построить из мрамора и гранита и отделать полудрагоценным камнем, что должно было продемонстрировать превращение «старой, деревянной России» в сильную промышленную советскую державу.

Проект советского павильона выполнил Борис Иофан с помощью Каро Алабяна. Центром композиции стала статуя (из нержавеющей стали) рабочего, держащего в вытянутой руке красную звезду. Рабочий стоял на шестидесятиметровом пилоне в центре неоклассического главного здания, охватывающего его двумя полуокружностями. На двух фасадах были помещены барельефы Ленина и Сталина. На пропилеях с одной стороны под барельефом Ленина была установлена скульптурная группа «Октябрь», представлявшая вооруженных рабочих и солдат-крестьян, завоевавших власть. С другой стороны, под барельефом Сталина, была расположена группа рабочих и колхозников, «хозяев советской земли, строителей социализма». На основании пилона была начертана первая статья Сталинской конституции: «СССР есть социалистическое государство рабочих и крестьян». Внешний фасад здания был разделен на 11 секций, на каждой из которых находилось по гербу союзной республики.

Среди экспозиций советского павильона выделялся десятилетний план реконструкции Москвы, в центре которого была размещена большая модель Дворца Советов, а неподалеку – точная полноразмерная копия части станции московского метро «Маяковская». Отсек станции «Маяковская» был выполнен в натуральную величину и из тех же материалов и помещен между зеркальными стенами для создания эффекта присутствия.

Неудивительно, что советский павильон оказался одним из самых дорогих на выставке. Из СССР привезли восемьсот тонн мрамора девяти разных видов.

Вестибюль встречал посетителей огромной фреской, изображавшей «выдающихся людей Страны Советов», на которой были изображены летчики, ученые, режиссеры, стахановцы, писатели, колхозники... Это были индивидуальные портреты передовиков труда, и каждый из 48 человек был идентифицирован на специальной схеме. Эту фреску писали одиннадцать художников под руководством известного соцреалиста Василия Ефанова. По бокам фрески стояли статуи из красного мрамора – Ленин и Сталин. В вестибюле находилась также отделанная самоцветами и драгоценными камнями карта СССР.

После тура по советскому павильону посетитель мог пообедать в ресторане, посмотреть фильм или купить книги, журналы и пластинки с записями русской и советской музыки в сувенирном магазине. Он мог также посетить две другие экспозиции Советского Союза на

выставке – в Зале наций, изображавшую социальную структуру страны в соответствии со Сталинской конституцией, и Полярный павильон, посвященный советским исследованиям Арктики.

Реакция американцев на советский павильон была вполне положительной. Неудивительно, что коммунистические издания, такие как *New Masses* или *Daily Worker*, приводили его в качестве доказательства превосходства советской системы. Однако и «обычные» американские издания восхищенно описывали сам павильон и притягательную силу его экспозиций. Журнал *Time* в своем обзоре открытия выставки назвал советское здание лучшим иностранным павильоном.

Умеренно социалистический, но совершенно антикоммунистический журнал *Nation*, подтрунивая над размерами советского павильона, признавал тем не менее, что, «когда эти огромные стены залиты светом и ты читаешь надписи под портретами Ленина и Сталина о строительстве социализма, тебя пробирает невольная дрожь». *New York Times* назвала копию московской станции метро одним из главных иностранных аттракционов на выставке, а также опубликовала положительный отзыв о ресторане. Два автомобиля ЗИС, выставленные Советским Союзом, также получили высокую оценку газеты, сообщившей, что они «настолько похожи на американские машины, что водитель не обратит на них внимания на дороге».

Записи американских посетителей в книге отзывов также свидетельствуют о том, что организаторы добились успеха. Некто Уильям Мур прокомментировал: «Если это то, что революция принесла России, – я за революцию». Были, конечно, и сомневающиеся, видевшие во всем этом пропаганду или уставшие от чересчур часто встречающегося Сталина, но они остались в меньшинстве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.